

— Прошло 45 лет со дня Победы над фашистской Германией. Вспоминаете ли Вы войну? Что конкретно?

— Войну вспоминаю очень часто. Особенно ночью, когда не спится, а это случается даже

о действительно героическом. Например, Сергей Тимофеевич Гуляев или Яков Ефремович Квачев...

— Как случилось, что Вы попали не в пехоту, например, а на флот?

ких как я на север. И только по прибытии на место назначения мы узнали, что находимся в Архангельске и что служить мы будем на Беломорской военной флотилии Северного флота.

После принятия военной присяги мне присвоили звание старшины второй статьи и назначили старшиной роты девушек-краснофлотцев, так нас тогда называли. В мои обязанности входило научить их всему, чему так недавно научилась сама: обращению, уходу за личным оружием, строевой подготовке, знанию уставов — всему, что требуется и сейчас от старшин роты любых родов войск. Всем этим приходилось заниматься от подъема до отбоя — командир роты был из команды выходящих после ранения.

Служила я затем в соединении СНИСа (службы наблюдения и связи), где работала на телефонно-телеграфном центре шифровальщиком. Была одновременно комсоргом соединения, посты которого распростирались по Зимнему и Летнему берегам Белого моря. Кстати, в навигацию 43 и 44 годов мне привелось в составе целой группы бывать на этих постах, проверять боевую и политическую подготовку, комсомольскую работу, и группа наша, а в ее составе были и настоящие артисты, давала для личного состава и местного населения, если поблизости были села, концерты художественной самодеятельности. Так что и поплавать пришлось, и испытать настоящую штормовую волну. Вторую половину 44 и 45 год я прослужила на артиллерийской береговой батарее телефонисткой. По боевому расписанию я на-

ходила на КП центрального орудия и держала связь командира батареи с тремя дальнебойными орудиями.

Что больше всего запомнилось? Много, но особенно врезалось в память то, как часто в полуэкипаж Архангельска не возвращались с боевых походов те, кого мы всегда со слезами провожали, когда порою на буксирах в наш порт возвращались разбомбленные, протерпированные, изуродованные корпуса «сторожевиков», эсминцев, члены экипажа которых лежали убитые на дне ледяного моря... Вспоминаю тот ужас, с каким мне привелось расшифровывать телеграммы с погибающего конвоя. Кстати, потом, через много лет, мне привелось об этом читать в повести Валентина Пикуля «Реквием каравану РО-17».

Не могу не вспомнить об одной туристической поездке вместе с ветеранами войны нашего института в Волгоград. Впечатление эта экскурсия оставила совершенно незабываемое именно от того, что мы увидели памятник североморцам, погибшим в боях за Сталинград. Зимой, точнее в ноябре 1942 года всех находившихся в полуэкипаже построил комиссар Ильин и объявил: «Кто хочет добровольно отправиться в составе 2-х батальонов морской пехоты на Сталинградский фронт?» После трех шагов, сделанных и мною, я оглянулась: на месте не осталось ни одного человека. Вот мы-то, девушки, и заменили на постах тех, кто тогда ушел в морскую пехоту на Волгу. И большинство знакомых мне фамилий увидела я потом в зале Па-

норама Сталинградской битвы». Вернулись единицы. Один из них, Коля Макеев, живет и сейчас в городе Борисове.

Много было такого, что не имело непосредственного отношения к моей судьбе, службе, но что не изгладится никогда из моей памяти, потому что за этим стоит жизнь, судьба и смерть тех, кто не рядом со мной стоял на вахте, глож от разрывов снарядов дальнебойных орудий, кстати, снятых с кораблей русского флота после японской войны и установленных на материке...

— Вспоминаете ли Вы свои неудачи, случаи, тяжелые для вас лично, особые трудные моменты?

— Нет, никогда, вроде такого и не было. Я думаю о войне в личном ее понимании: это был тяжелый труд изо дня в день, постоянное желание тишины, возможности хоть чуток больше поспать... А в целом — я всегда испытываю чувство благодарности к тем, кого не стало, к тем, кто сделал возможным мою дальнейшую жизнь в родном краю, на родной белорусской земле, кто своей смертью, своими руками позволил мне вырастить детей, увидеть улыбки внуков. И я всем искалеченным войной, не вернувшимся из нее, кланяюсь до земли!

И в заключение я прошу всех: пусть никогда в вашей памяти не иссякнет уважение и благодарность к тем, кто с войны не пришел, и пусть никогда не иссякнет терпение по отношению к оставшимся в живых, которые так в этом нуждаются. Спасибо!

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО...

Накануне всенародного праздника мы встретились с участником Великой Отечественной войны Басей Ароновной НОВИЦКОЙ и попросили ее ответить на некоторые вопросы.

чересчур часто. Вспоминаю тех, с кем привелось вместе служить, и особенно часто тех, кто не вернулся с похода или отрядов морской пехоты. Я не убила ни одного немца или финна (их на северном театре войны было очень много), не участвовала в потоплении немецких кораблей, подлодок. Может, даже и не стоит ко мне обращаться с подобными вопросами: я ничего героического не совершила. У нас в институте есть очень и очень достойные люди, которые могут рассказать

— Зимой 41 года, в декабре, я работала на оборонных работах — это было в Чувашии, недалеко от Канаша, там сооружались мощнейшие противотанковые рвы. Там-то я узнала от работающих со мной девушек, что в райкоме комсомола принимают заявления от комсомольцев, желающих добровольно пойти на фронт. Я так и сделала после окончания работ и в начале 42 года получила в райкоме комсомола повестку в военкомат явиться. Через пару дней эшелон увозил меня и та-